

ПОСТИДЕОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО РИСКА: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ

Д. Г. Кукарников, Н. А. Гаршин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 апреля 2019 г.

Аннотация: в статье анализируются концепты общества риска и постидеологии как одни из ключевых социально-философских концепций XX в. В ходе анализа выявляется фундаментальность социальных трансформаций, присущих исследуемой эпохе, отмечается их связь с развитием медиадискурса, а также необходимость диалога между представителями различных учений и школ для взаимного улучшения качества исследований.

Ключевые слова: постидеология, общество риска, системный подход.

Abstract: the article analyzes the concept of the risk society and post-ideology as one of the basic social and philosophical concepts of the 20th century. The analysis reveals the fundamental social transformations inherent in the era under study, notes their connection with the development of media discourse, as well as the need for dialogue between representatives of various teachings and schools for mutual improvement of the quality of research.

Key words: post-ideology, risk society, system approach.

В рамках современного социально-философского дискурса исследование состояния общества на стыке XX и XXI вв. является одной из самых популярных тем. Это связано, во-первых, с необходимостью анализа актуальных социальных процессов и тенденций мирового сообщества, а во-вторых, с желанием получить достоверные прогнозы на развитие общества в будущем.

В социальной философии XX в. за сравнительно короткий период времени (конец XX – начало XXI в.) наряду с другими появились две весьма авторитетные концепции, анализирующие и описывающие состояние мира в настоящее время и прогнозирующие его будущее развитие. В данной статье мы постараемся проанализировать концепцию общества риска. Выбор данных концепций для анализа состояния современного мирового сообщества обусловлен тем, что, на наш взгляд, именно они оказали наибольшее влияние на современные концепции как непосредственно в самом социально-философском дискурсе, так и в смежных социальных дисциплинах, в первую очередь в социологии и политологии, хотя затронул и экономику, и правоведение, и другие научные дисциплины.

Проводя анализ феномена постидеологии, мы должны учитывать, что постидеология имеет как онтологический (или социальный), так и

эпистемологический аспект. Они, безусловно, тесно связаны, однако оказывают различное влияние на общество и проявляются в различных феноменах, поскольку проистекают из изменений различных сторон общественного бытия.

Мы можем выделить три точки зрения на данную проблему: «Первая точка зрения, назовем ее условно “оптимистической” (приход постидеологии признается логичным и необходимым), утверждает, что наступит, если можно так выразиться, эра постидеологии. <...> Согласно второй точке зрения, обозначим ее как “пессимистическую”, постидеология есть образование искусственное, взятое не из жизни, социальных и политических реалий, а рожденное, образно говоря, в лаборатории философа. <...> Наконец, третья точка зрения, как это часто бывает в философии, является синтезом первых двух. Данный взгляд является, пожалуй, самым сложным и многогранным. Суть его состоит в том, что идеология в процессе трансформации перестанет быть идеологией в классическом, привычном для нас смысле слова, однако останется в политическом и социальном дискурсе в качестве более подвижного и гибкого регулятора социальных и культурных феноменов, настроения и ценностей граждан государства, условием генерирования новых идей, смыслов и систем ценностей» [1, с. 140]. Из вышеперечисленных точек зрения наиболее адекватной нам видится третья, поскольку идеология в том или ином виде будет существовать, люди так или иначе будут ориентироваться на те или иные ценности, мотивироваться ими, будет происходить теоретическое осмысление социального бытия человека. В конечном счете, сама критика идеологии всегда носит идеологический характер. Вместе с тем мы не можем не замечать снижения роли идеологии как теоретического уровня общественного сознания в рамках современной культуры. Это связано с влиянием постмодернизма, кризисом символического и перехода к симулякру, а также изменениями в структуре социальных коммуникаций. Как отмечает Шварцмантель, «можно сказать, что разрозненному обществу больше соответствуют фрагментированные или сетевые формы организации, которые отказались от идеи «прекращения революций» и жесткой идеологии» [2, с. 296]. Немаловажным фактором является и то, что, будучи созданной в индустриальную эпоху, классическая идеология в постиндустриальном обществе обнаруживает свою неповоротливость и отчасти неуместность.

Подобное состояние в социальной структуре приводит к тому, что человек чувствует себя неуверенно и растерянно в новом социальном мире, который, в частности, Томас Фридман в своей одноименной работе «Плоский мир. Краткая история XXI века» [3], называет плоским. Именно подобные изменения и позволяют нам говорить об эпистемологическом измерении постидеологии. Постидеология, с нашей точки зрения, проявляет себя в эпистемологическом измерении тем, что становится затруднено социальное познание, а тем более выведение социальных закономерностей и законов. Это имеет как и относительно объективные причины, в частности ускорение темпа изменений в социальной сфере,

вызванное указанным выше ускорением социальной коммуникации в целом, так и связанные с субъективными факторами. Человек в пост-идеологическом контексте всё менее склонен доверять идеологиям, теоретическим построениям, экспертам. В новом, постмодернистском мире, как отмечает Бодрийяр, «Пропаганда и реклама сливаются в едином процессе маркетинга и мерчендайзинга вещей и идей, овладевающих массами» [4, с. 311]. Подобная ситуация, по сути, блокирует возможность серьезного отношения к политике, экспертам, идеологиям. Ко всему вышеперечисленному человек начинает относиться не более серьезно, чем к обычным развлечениям, чему способствует и откровенное сходство политических дебатов и шоу с обычными развлекательными ток-шоу. Мы можем заметить сходство и в структуре этих действий, и в содержании: в обоих случаях ведется зачастую неаргументированная и неуправляемая дискуссия (если мы можем употребить этот термин в данном контексте), имеется противоборство сторон, создается впечатление заранее расплывчатых ролей и т. п. Кроме того, размывается само понятие эксперта, которое сегодня также не имеет четкой демаркации: еще полвека назад мы имели вполне четкий и определенный «портрет» эксперта, т. е. представляли, чем именно он характеризуется.

Отдельного внимания заслуживает «мозаичный» характер современной культуры, которая фактически размывает рамки публичного и частного, рабочего и досугового, что приводит к деформации границ идеологического. Как отмечал Р. Барт, «если всё – идеология, то она, в сущности, ничто» [5, с. 75]. Став ничем, идеология не способна удовлетворять потребности людей в теоретическом осмыслении социальной реальности, и, как следствие, люди отказываются от веры в идеологии и теоретические конструкты в целом.

В подобной ситуации становится затруднительно мотивировать массы, поскольку идеологиям нет доверия. Исходя из этого, а также из-за недоверия людей теориям, экспертам, уменьшается число фундаментальных социальных исследований, поскольку отсутствует социальный заказ на них. Это приводит к тому, что с течением времени в обществе в целом и его социальных группах начинает формироваться ощущение растерянности, отсутствия определенной «системы координат» и доверия к каким-либо социальным институтам. В свою очередь, это способствует дестабилизации политической обстановки, усилению радикализма и ксенофобии в обществе, кризису идентичности и толерантности. Именно в этом аспекте, с нашей точки зрения, и проявляется взаимосвязь социального и эпистемологического аспектов постидеологии как одной из парадигм анализа современного общества. Таким образом, эпистемологический аспект постидеологии заключается в отказе от доверия социальным теориям, философским исследованиям. Отдельно следует заметить, что сама эпоха глобализации противостоит системным социально-философским исследованиям и усложняет их проведение. Это связано, на наш взгляд, с быстрой изменчивостью, крайней «подвижностью» или динамичностью современного мира. Социальные теории метанар-

ративного толка слишком обширны и «неповоротливы» для современной эпохи. Выходом из сложившейся ситуации нам видится разработка новой методологии социального познания, учитывающей подвижность, изменчивость современного мира. В рамках такой методологии необходимо совместить наличие фундаментальных теорий и исследований с исследованиями более локальными и подвижными, дабы не упустить как текущие изменения, так и общий план эпохи, общую динамику развития общества.

Общество риска – это термин, предложенный У. Беком для характеристики современных обществ, отличающихся возрастанием коэффициента риска при производстве материальных и социальных благ. Исходная теория получила свое дальнейшее развитие в трудах Гидденса, Тернера и других философов. Однако историко-философский анализ не является целью данной статьи, поэтому мы не будем слишком подробно останавливаться на данном аспекте теории общества риска. Вместе с тем стоит заметить, что, например, уже упомянутый нами Тернер не был согласен с подходом Бека (к его теории как наиболее классической мы перейдем несколько позднее) к определению общества риска, исходя из более широкой его трактовки и отводя ему куда более широкие исторические рамки. Как писал Тернер в своей работе «*Orientalism Postmodernism and Globalism*», «если мы тщательно проанализируем концепцию Бека относительно общества риска, какие проблемы и перспективы процесса глобализации мы сможем выделить?» [там же, с. 110]. Проводя анализ различия понимания риска в экономике и социальных науках, философ пишет: «Моя точка зрения состоит в том, что как антропология, так и социология имплицитно рассматривали человека как существо, которое не может вытерпеть давления неограниченного риска. Напротив, экономисты рассматривают риск куда как в более позитивном ключе: риск рассматривался как творческий риск» [там же, с. 170]. Тернер в целом снижал значение риска в жизни общества и, в частности, не считал, что современное общество как-то особенно им выделяется. Так, он писал: «На мой взгляд, четкого ответа на вопрос “стала ли жизнь более рискованной?” дать невозможно. <...> ... одним из вариантов решения данной проблемы стало бы разделение рисков на макро- и микроуровневые риски, тогда повседневная жизнь станет менее рискованной (микрориски снизятся), но при этом макрориски современного глобализованного общества возрастут. Таким образом, в развитых обществах возникает противоречие между субъективным повседневным опытом и глобальными макрорисками» [там же, с. 182]. На наш взгляд, в таком подходе философ несколько сужает понятие риска, понимая под ним лишь некую непосредственную угрозу жизни, здоровью или свободе индивида, но при этом упускает такой момент, что сам риск уже является значимым фактором повышения «рискованности» общества и самоощущения человека при существовании в таком мире. Данное упущение, по нашему мнению, несколько упрощает взгляд на риск как фактор развития общества и социальных институтов. В настоящее время, как мы полагаем,

можно говорить о некоем «риске риска», т. е. ситуации, в которой сама возможность риска уже является риском, а значит, заставляет уже на этапе планирования производств или общественной деятельности предусматривать возможные предрисковые ситуации, а также социальную реакцию (протесты, митинги) на них.

Возвращаясь к исходной концепции У. Бека, мы можем отметить в ней немало пересечений с теорией постидеологии, рассмотренной нами выше. В частности, уже в самом начале своей работы Бек пишет: «В оценке опасности все оказываются заложниками измерительных приборов, теорий и прежде всего незнания, включая незнание экспертов...» [6, с. 2]. Таким образом, риски также выходят одной из своих сторон к ситуации эпистемологической неопределенности, т. е. к тому, что мы обнаружили при изучении постидеологии. Однако причины подобной картины разнятся: если сторонники постидеологии обращаются в своей аргументации к системным изменениям в культуре, обществе, ограничиваясь ими и, таким образом, занимаясь по большей части описательной деятельностью, то в рамках теорий общества риска подобные подходы дополняются анализом конкретных факторов, вызывающих такое положение дел в обществе, в рамках которого происходят накопление и приумножение рисков: эпистемологических, социокультурных, экономических, экологических и мн. др. Таким образом, теоретики общества риска более системны в решении проблемы, что, однако, не умаляет заслуг исследователей постидеологии. Дело в том, что исследователи общества риска изначально ставили перед собой более глобальные цели, изучая общество в целом, тогда как теоретики постидеологии рассматривали лишь трансформацию одного из социальных феноменов, при этом обогатив социальные исследования медиадискурсом, новыми частными методами исследования и получив новые выводы. Сам Бек писал обо всех постфеноменах следующее: «“Пост” – кодовое слово для выражения растерянности, запутавшейся в модных веяниях. Оно указывает на нечто такое сверх привычного, чего оно не может назвать, и пребывает в содержании, которое оно называет и отрицает, оставаясь в плену знакомых явлений» [6, с. 4]. И в самом деле, отношение к постфеноменам в философском дискурсе неоднозначно: одни авторы видят в них полноценные и самостоятельные феномены, т. е. носящие субстанциальный характер, другие же философы указывают, что «пост» следует интерпретировать как то, что «после», например, постмодерн = то, что после модерна. В таком подходе постфеномены не имеют полноценного статуса, являясь переходным этапом к новому качеству феномена.

Однако вернемся к проблеме анализа общества риска. В условиях нового, глобализованного мира, с его ориентацией на индивидуализм, рост прав и обязанностей личности, демонтажем социального государства и развитием концепции «минимального государства» [7] и прочими феноменами, характерными для современного нелиберального общества, возрастает и давление на личность. Постиндустриальное общество, открывая перед личностью новые возможности, одновременно требует

и решения им проблемы возрастания рисков, возникающих перед ним. Оно требует умения выживать в условиях накопления рисков, мириться с их постоянным наличием, учитывать риск как новый фактор при планировании своей деятельности. Иначе говоря, общество риска требует от личности быть «элитой», используя терминологию Ортеги-и-Гассета [8], на что единичный человек, как правило, не способен. Ведь, по нашему мнению, человеку мало дать свободу, нужно подготовить человека к ее принятию, воспитать в нем понимание взрослой ответственности. Пример того, сколь губительно бывает «неподготовленное дарование свобод», мы можем найти в недавней истории России, когда на неподготовленных советских граждан свалился чрезмерно большой объем свободы, а следовательно, и обязанностей. Как отмечает Бек, «мы являемся свидетелями метаморфозы общества в рамках модерна, в ходе которой люди освобождаются от социальных форм индустриального общества – от деления на классы и слои, от традиционных семейных отношений и отношений между полами, точно так же, как в ходе Реформации они освобождались от господства церкви над формами жизни светского общества» [6, с. 65].

Выход из кризисного (или предкризисного) положения Бек видит в переходе к «рефлексивной модернизации», которая тесно связана с научно-техническим прогрессом, умением управлять рисками, соотносить рост рисков с ростом получения или производства тех или иных материальных или социальных благ. По словам Бека, «в то время как в индустриальном обществе “логика” производства богатства доминирует над “логикой” производства риска, в обществе риска это соотношение меняется на противоположное».

Э. Гидденс, анализируя категорию риска, указывает на ее тесную взаимосвязь с феноменами «моденити» и «радикализованная моденити». Так, под моденити Гидденс понимает такое состояние общества, в котором ключевую роль играют следующие ценностные ориентации: рациональность и крайний сциентизм, стремление к элитарной социальной справедливости, понимаемой как расширение личной свободы личности. Также значимую роль в культуре моденити играют индивидуализм, идеи прогресса и желание жить «здесь и сейчас», обогатиться духовно и материально. Следовательно, такое общество было более стабильно, локализовано, в том числе и культурно, тогда как «радикализованную моденити», предлагаемую Гидденсом как альтернативу постмоденити, мы можем охарактеризовать как более открытое, подвижное и гибкое общество, в котором человек сам вынужден искать свою идентичность и определенность. Причем речь скорее даже не о поиске нечто готового, а о конструировании и конституировании собственной идентичности. Итогом такого состояния является возрастание количества разрывов и лагун, способствующих маргинализации общества и распространению рисков в нем. Особое влияние социальные трансформации оказывают на систему мировой политики. Риски затрудняют взаимодействие стран в союзах, поскольку образуются многочисленные

новые риски при увеличении количества заинтересованных субъектов. Так, в своей работе «Неспокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем?» Гидденс отмечает, что «в сентябре 2006 г. МВФ сообщил, что мировая экономика находится в прекрасной форме, хотя некоторые поводы для беспокойства еще имеются. Спустя всего каких-то 12 месяцев на мир обрушился самый масштабный после кризиса 1930-х годов экономический кризис» [7, с. 10]. Заметим, что в современном мире, во-первых, возрастает неопределенность с наступлением рисков, т. е. снижается даже гипотетическая возможность предсказания более-менее масштабных событий. Затрудненность в прогнозировании, особенно долгосрочном, сама по себе представляет собой значимый риск. Во-вторых, следует отметить слияние прежде сравнительно автономных групп рисков в некую единую систему рисков, где каждый из них способен спровоцировать риски в иной сфере. Это касается уже не только экономики и политики, но и репутационных, информационных и иных видов риска. В условиях общества риска такое положение дел приводит к фактической формализации любых союзов, превращая их из подлинных и полноценных игроков на политической арене в носителей неких «деклараций о намерениях». Так, говоря о ЕС, Гидденс пишет: «лидеры крупных стран часто пытаются угнаться за двумя зайцами. Они заявляют о своих общеевропейских интересах, однако на деле на первом месте для них стоят интересы конкретного государства» [там же, с. 11]. Следовательно, сам термин «общеевропейская судьба», активно используемый при пропаганде развития ЕС и формировании новой, европейской идентичности, призванной заменить национальные идентичности, является в известном смысле лишь максимально общим понятием, зачастую неподкрепленным реальными действиями. Всё это приводит к отсутствию уверенности в завтрашнем дне, что в условиях общества риска провоцирует рост протестных настроений, усиливая психологическую нагрузку на личность человека.

Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу, что общество риска меняет саму привычную структуру общества, а не отдельные его феномены. Изменения в производстве, политике, культуре являются производными и акцидентальными от изменения социальной структуры. Утверждение риска в качестве одного из важнейших факторов социального развития, необходимость его учета требуют коренных изменений не только в экономике, политике и других практических сферах, но и в образовании и науке, где требуются новые методы обучения и исследования, учитывающие важность как управления рисками, так и учета незнания степени риска от выполнения тех или иных действий. При разработке такого комплекса мер следует учитывать феномен массмедиа, его влияние на социальную структуру и трансформацию социальной коммуникации. Не случайно слово «постправда» в 2016 г. было признано Оксфордским словарем словом года. Мы можем определить постправду как феномен, в рамках которого важна не истина или реальное положение дел, а реакция, спровоцированная публикацией в массмедиа о том

или ином событии, причем было ли это событие, не играет роли, важна реакция на него со стороны общественности. О подобном положении дел предупреждал Ж. Бодрийяр в своем труде «Войны в заливе не было» [8]. «Риск риска» в такой ситуации становится вдвойне опасным, поскольку порождает соблазны сознательных провокаций в погоне за сиюминутной выгодой, лоббированием интересов тех или иных элит (политических, экономических, научных). Отклик в медиа зачастую получает не более истинное, а более яркое и популярное событие, не более значимое для жизни общества, а более модное, то, к чему разогрет интерес, примером чему могут служить бои без правил, «рэп-батль» и мн. др. Точно также интерес может быть подогрет к политическим событиям (как это было в случае с Навальным – большинство его сторонников не знали программы политика, однако были за него, поскольку это «модно», «стильно») или экологическим проблемам (многие из которых могут быть лишь выданы за значимые). Именно поэтому важно исследовать состояние рисков и неуверенности человека. Именно через отсутствие уверенности в завтрашнем дне, наличие истины, снижение роли экспертов и веры в них концепты постидеологии и общества рисков обретают тесную взаимосвязь. По-видимому, имеет смысл говорить об их взаимопроникновении и необходимости системного решения поставленных в рамках каждого из концептов вопросов и проблем.

Подводя итог статьи, хотелось бы отметить следующее. Концепции постидеологии и общества риска во многом схожи в оценках происходящего в рамках современного мирового сообщества: обе эти концепции отмечают трансформацию (а порой и деформацию) основных социальных институтов современного общества, таких как семья, идентичность, идеология и мн. др. Тем не менее в них имеются и существенные различия. Так, различна методология исследования: если теоретики постидеологии по большей части экстраполируют выводы, полученные в рамках изучения конкретных социальных институтов, в частности идеологии, на всё общество, т. е. ближе к элементаристам, то философы, исследующие общество риска, чаще используют системный подход, исходя из изменений самой структуры социума, появления новых факторов и т. д. Подобное несходство проистекает из различия предмета исследования: постидеологи имеют таковым куда более локальный и ограниченный феномен, чем теоретики общества риска, изучающие общество и его структуру в целом. Следовательно, общество риска представляет собой некую «среду», набор ключевых параметров социальной системы, которые определяют деформацию содержащихся в ней феноменов. Использование результатов и методов обоих направлений позволит рассматривать современное общество с разных позиций, поскольку практически одни и те же феномены и тенденции (массификация культуры, влияние постмодерна, снижение роли классических социальных институтов, медиадискурс и др.) рассматриваются применительно к разным целям и задачам. Таким образом, мы получаем более богатую «палитру» выводов и методов по интересующим нас проблемам. Подобная «палитра» может

быть крайне полезной и в практической деятельности политиков, аналитиков, экспертов, планирующих развитие государства или его субъектов, поскольку как мотивация граждан, так и учет рисков от реализации тех или иных проектов (а также возможной генерации рисков в общественном сознании, зачастую не оправданных объективно, но тем не менее устойчивых и влияющих на психологическое и социальное самочувствие граждан) являются, как мы выяснили в ходе исследования, важнейшим условием успеха деятельности социальных институтов в условиях современного глобального общества и медиадискурса, который проник практически во все сферы общественного бытия.

Литература

1. *Гаршин Н. А.* К вопросу об онтологическом статусе феномена постидеологии / Н. А. Гаршин // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 3 (57), ч. 1. – С. 140–142. – Режим доступа: <https://research-journal.org/philosophy/k-voprosu-ob-ontologicheskom-statuse-fenomena-postideologii/> (дата обращения: 28.02.2019.).
2. *Шварцмантель Дж.* Идеология и политика / Дж. Шварцмантель. – Харьков : Гуманит. центр, 2009. – 312 с.
3. *Фридман Т.* Плоский мир. Краткая история XXI в. / Т. Фридман. – М. : АСТ, 2007. – 608 с.
4. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – КДУ, 2015. – 392 с.
5. *Turner B. S.* Orientalism, postmodernism, and globalism / B. S. Turner. – Routledge ; London and New York, 1994. – 228 p.
6. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2000.
7. *Гидденс Э.* Неспokoйный и могущественный континент : что ждет Европу в будущем? / Э. Гидденс. – М. : Дело : РАНХиГС, 2015. – 240 с.
8. *Бодрийяр Ж.* Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр. – М. : РИПОЛ классик, 2016. – 224 с.

Воронежский государственный университет

*Кукарников Д. Г. кандидат философских наук, заведующий кафедрой истории философии и культуры
E-mail: kukarnikoff@yandex.ru*

*Гаршин Н. А. аспирант
E-mail: garshnick@mail.ru*

Voronezh State University

*Kukarnikov D. G., PHD., Head of the History of Philosophy and Culture Department
E-mail: kukarnikoff@yandex.ru*

*Garshin N. A. Post-graduate Student
E-mail: garshnick@mail.ru*